

2. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т., 4 кн. / Н.М. Карамзин. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1990.
3. Погодин М.П. История в лицах о Димитрии Самозванце: [пьеса] / М.П. Погодин. – М.: Унив. тип., 1835. – 183с.
4. Погодин М.П. История в лицах о царе Борисе Федоровиче Годунове: [пьеса] / М.П. Погодин. – М.: тип. газ. «Русский», 1868. – 144с.
5. Погодин М.П. Марфа, посадница новгородская: трагедия в 5 д., в стихах / М.П. Погодин // Погодин М.П. Повести. Драма. – М. Сов. Россия, 1984. – С. 289-403.
6. Погодин М.П. Петр I: трагедия в 5 д., в стихах. 1831 / М.П. Погодин. – М.: тип. В.М. Фриш и С.П. Анненкова, 1873. – 161с.
7. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: [в 17 т.] / А.С. Пушкин – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
8. Раскольников Ф. «Марфа Посадница» М. Погодина и исторические взгляды Пушкина: / Ф. Раскольников // Рус. лит. – 2003. – № 1. – С.3-15.
9. Розанова С. «Любезные разговоры» (Пушкин, Лев Толстой и Погодин) / С. Розанова // Вопросы лит. – 1993. – № 5. – С. 81–129.
10. Тойбин И.М. Пушкин и Погодин / И.М. Тойбин // Курский гос. пед. ин-т. Уч. зап. Вып. V (Гуманитарный цикл). – Курск: Курское кн. изд-во, 1956. – С.70–122.
Надійшла до редколегії 28 січня 2016 р.

УДК 821.161

Н. М. Раковская
Одесса

Н. СТРАХОВ И АП. ГРИГОРЬЕВ. К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Актуалізація спадщини М. Страхова обумовлена суперечністю суджень про нього сучасних літературознавців. Ім'я М. Страхова не зайняло належного місця в системі досліджень історії критики середини ХІХ ст. До сьогодення часу не зібрані та не систематизовані його оцінки російського літературного процесу II половини ХІХ ст. Не виявлена його особиста критична модель. У статті також аналізуються літературно-естетичні погляди М. Страхова. Робиться акцент на складних та суперечливих відносинах між М. Страховим та Ап. Григор'євим. Ставиться питання щодо самостійної позиції М. Страхова, яка відображає його критичну рефлексію.

Ключові слова: критика, рефлексія, концепція, код часу.

Актуалізація насліддя Н. Страхова обумовлена противоречивістю суджень о нем современных литературоведов. Имя Н. Страхова не заняло должного места в системе литературоведческих исследований. До сегодняшнего времени не собраны и не систематизированы его оценки русского литературного процесса II пол. ХІХ в. Не выявлена его личностная критическая модель. В статье также анализируются литературно-эстетические взгляды Н. Страхова. Делается акцент на сложных и противоречивых отношениях между Н. Страховым и Ап. Григорьевым. Ставится вопрос о самостоятельной позиции Н. Страхова, отражающей его критическую рефлексію.

Ключевые слова: критика, рефлексия, концепция, код времени.

Statement of a problem. Mainstreaming of N. Strakhov's heritage is caused by discrepancy of judgments of modern literary critics about him. The name of N. Strakhov didn't take a due place

in system of literary researches. Till nowadays his marks of Russian literary process of the second part of the 19 century are not collected and systematized. His personal critical model isn't revealed. The aim of research is in making monitoring about philosophical and esthetic and literary positions of the critic. The tasks are in defining of essence of polemic of N. Strakhov with modern to him critics and to define his position in the context of a slavfeels' and soil's critical reflection. Interpretative practice of N. Strakhov developed from the one side under the influence of the Ap. Grigoriev. From the other side it was determined by N. Strakhov's aspiration to take his outlook position. Because of the above «an anthological meeting» of two types of critical consciousness: soils' (Ap. Grigoriev) and slavfeels's (N. Strakhov) is established. N. Strakhov indicated his platform in the Zarya magazine where he conducted critical department in 1869–1871 as slavfeels's. Counter with opinions of Ap. Grigoriev, N. Strakhov places the main emphasis on the proof of banality of "theorists" of their isolation from real Russian life. N. Strakhov disproved the point of view of Ap. Grigoriev that literature is a main power which can't be operated. From here is the rationalistic understanding of art, aspiration to reach the «thought idea» of the product. As a result of making research it is possible to summarize the following. Nihilists, according to N. Strakhov's opinion, rejected the words any independent ethics and every ethics in general, substituting moral categories with abstract categories of happiness or satisfaction. Paradox from his point of view that in the history of the Russian culture it was time of esthetic, philosophical and religious awakens. The received results caused the following conclusion. Problems which worried N. Strakhov were prompted by time and development of literary process therefore its correction of views of Ap. Grigoriev is quite natural.

Keywords: *criticism, reflection, concept, time code.*

Постановка проблемы. В 2013 году в Харькове вышла книга Л. Фризмана, Т. Ведерниковой «Уроки Страхова». С нашей точки зрения, этот факт весьма примечателен, ибо литературная критика 60-х гг. XIX века в украинском литературоведении до сих пор не вызывает интереса у исследователей. Книга насыщена биографическими данными и фактами истории русской критики середины XIX века. Вместе с тем в определенном плане в работе есть ряд неточностей, недоговоренностей. Так, скажем, нам трудно согласиться с интерпретацией статей Н. Страхова о И. Тургеневе, поверхностными оценками суждений критика о романах Л. Толстого. Неясно также, почему значительный объем посвящен А. Пушкину, при этом акцент делается не на концепции Н. Страхова, а на полемике вокруг творчества писателя в литературном процессе указанного времени. В то же самое время дидактический тон рецензии известного ученого С. Кормилова «Оправдание Страхова» нам не совсем ясен. Очевидно, что о Н. Страхове писали Н. Горбанев, Н. Скатов и ряд других авторов, но у всех были разные подходы к осмыслению противоречий в концепции критика. Как известно, в конце 60 – начале 70 гг. (после ухода из жизни Ап. Григорьева и появлением статей Н. Михайловского) Н. Страхов занимал ведущее место в литературно-критических отделах рядов журналов. Нам представляется, что этот факт связан с тем, что Н. Страхов пытался определить свое мировидение и позицию в разгар полемики между славянофилами и почвенниками; с другой стороны, Н. Страхова связывали глубоко личные отношения с Л. Толстым, поддержкой его критической концепции писателем, что стало очевидно после публикации эпистолярного наследия Н. Страхова литературоведом В. Тунимановым.

Безусловно Н. Страхов не был столь блестящим критиком, как Ап. Григорьев, которого он называл учителем, но он был личностью со своей авторской позицией, которую неоднократно высказывал в ряде статей о русских писателях II половины XIX века; более того, значимость его личности «высвечивалась» теми талантами, о творчестве которых он размышлял (имеем в виду его интерпретации романов Л. Толстого и Ф. Достоевского). Безусловно, время вносило свои коррективы, вследствие чего происходили существенные расхождения между ним и его учителем (Ап. Григорьевым). В этом плане позволим себе высказать некоторые суждения. После смерти Ап. Григорьева наступает перелом в сознании и мировидении Н. Страхова. В отличие от Ап. Григорьева и Ф. Достоевского, считавших почвенничество новым направлением русской мысли, существующим самостоятельно от западничества и славянофильства, Н. Страхов был на этот счет другого мнения. В заключении к воспоминаниям о Ф. Достоевском он пишет о своей особой позиции по этому вопросу: «Мысль о новом направлении <...> сперва занимала меня, особенно вследствие влияния Ап. Григорьева, но очень скоро, может быть, по своему нерасположению к неопределенности, я порешил, что нужно прямо признать себя славянофилом...» [2, т. II, с. 167]. Свою платформу в журнале «Заря», где он в 1869–1871 гг. вел критический отдел, Н. Страхов обозначал как славянофильскую.

В связи с этим формировалось отношение Н. Страхова к вопросам о сущности и назначении искусства. Ап. Григорьев в ряде статей, наряду с суждениями о неприятии материалистической эстетики и «реальной критики», отвергал теорию «искусства для искусства». Произведения искусства он идентифицирует с жизнью живой природы, придавая им телесно-вещественную значимость. Ему, несомненно, близка натурфилософия и «органическая эстетика» Шеллинга. Н. Страхов не разделял этих взглядов учителя. Он не видел в искусстве его «царственного значения». Отсюда рационалистическое понимание искусства, стремление дойти до «мысли-идеи» произведения. В свое время Ап. Григорьев предостерегал Н. Страхова от чрезмерного рационализма: «Ты хочешь музыку лишить ее самостоятельности и поэзию тоже» [1, с. 152]. Н. Страхов, явно тяготеющий в период перелома своих взглядов к Гегелю, писал, что «органические категории ведут свое происхождение не от естественных наук, а от философии немецкого идеализма», что «сила наиболее органическая есть мысль» и что лучший образчик организма можно найти в каком-нибудь проявлении мысли, например, в логике Гегеля [2, т. II, с. 63]. Таким образом, Н. Страхов опровергал точку зрения Ап. Григорьева о том, что литература – это живая сила, которой нельзя управлять. Не принимал Н. Страхов и размышлений Ап. Григорьева об «органичности» искусства как мере жизненности явлений, сущность которых заключается в народной жизни, «в ее веянии».

Одно из первых свидетельств рационализма Н. Страхова – его полемика с Е. Эдельсоном, который в статье «Идея организма и ее приложение в различных сферах знания» выступил с предостережением от злоупотребления

понятиями «организм» и «органический» в истории, политической экономике и эстетике, где апелляция к ним зачастую подменяет конкретные исследования. В качестве примера продуктивного использования этих понятий и одновременно – чрезмерного увлечения ими, бывший соратник Ап. Григорьева по «молодой редакции» «Москвитянина» приводил его статьи: с одной стороны, «самый метод критики, прилагаемый им к оценкам современных литературных произведений, очевидно, превосходит широтой захвата методы наших критиков», а с другой – «блестящая формула ослепила ему глаза, как многим, заставила остановиться на полпути в исследованиях, довольно счастливо начатых» [4, с. 24]. Смысл возражений Н. Страхова в статье «Органические категории» сводился к тому, что органические категории ведут свое происхождение от логических, а не чувственных умонастроений [2, т. II, с. 96]. Что касается Ап. Григорьева (которого Эдельсон назвал «одним из самых глубоких, хотя в то же время и наиболее туманных современных наших критиков» [4]), то своими возражениями и замечаниями о содержании понятия «органическая критика» Н. Страхов, пожалуй, скорее полемизировал, чем опровергал мнение оппонента. Он писал: «Ап. Григорьев смотрит на литературу как на живую силу, которую управлять никому не дано, которую нельзя подводить под готовые понятия, но нужно понимать и истолковывать из нее самой». Подобный взгляд способен «дать приемам критики жизненную подвижность» [2, т. II, с. 49].

Вместе с тем, рассматривая особенности критического метода Ап. Григорьева в связи с его общими взглядами на искусство, Н. Страхов проявлял непоследовательность. Не называя формулы «искусства для искусства», Н. Страхов именно к ней сводит сущность эстетики учителя. Что касается метода Ап. Григорьева, то Н. Страхов, понимая важность проблемы (ибо в критике, как и в других «делах ума», «главная заслуга заключается не столько в результатах, сколько в методе» [2, т. II, с. 68]), неоднократно предпринимал попытки анализировать «приемы нашего единственного критика», но ему это не всегда удавалось. Так, во второй статье о «Воине и мире» подходы Ап. Григорьева к литературе приравниваются к историко-литературному методу И. Тэна, что, безусловно, является парадоксом. И не только в теории, но и в критической практике Н. Страхов, по сути, игнорировал важнейший принцип и критерий «органической критики», который заключен в самом ее понятии и который был для Ап. Григорьева мерой вещей. Принцип этот – «органичность» явлений, критерий – мера жизненности явлений, того, насколько глубоко уходят они корнями в народную жизнь, в какой степени являются ее «веяниями» и «голосами». Из них вытекал своеобразный адогматизм критической мысли Ап. Григорьева, нередко вступавшего поэтому в конфликт с почвеннической схемой, склонность и способность критика к диалогу с оппонентами – коль скоро их позиция не отвечала критерию «органичности». В этом отношении критический метод Ап. Григорьева был близок художественным поискам Ф. Достоевского. Для Н. Страхова такие принципы и критерии были

неприемлемы. Борьба с западничеством (и его русским отражением – нигилизмом) постепенно становилась главной темой его статей и углом зрения на искусство. Вследствие чего отчетливо проявлялось различие между учителем и учеником.

Вразрез с подходом и мнениями учителя, Н. Страхов делает главный акцент на доказательстве беспочвенности «теоретиков», их оторванности от реальной русской жизни. Демократическое движение, по определению Г. Флоровского, для него – «воздушная революция», нечто «миражное», какая-то «фата-моргана», которая рассеялась при первом дуновении «свежего ветра» [3]. В связи с этим Н. Страхов упрощал взгляды Ап. Григорьева на место и роль А. Пушкина и, в частности, «белкинского» типа в послепушкинской литературе. Диалектически сложную и не лишённую реальной глубины типологию характеров, предложенную Ап. Григорьевым, критик свел к отрицанию «хищного» типа и к превознесению типа «смирного», что противоречило самой сути григорьевской концепции. В том же духе Н. Страхов «уточнял» взгляды Ап. Григорьева на творчество молодого Л. Толстого, суть которых состояла в предостережении писателя от чрезмерно негативного отношения к «блестящему» типу и от поэтизации типа «смирного». В страховской интерпретации все выглядело наоборот – и именно эту, свою, а не григорьевскую идею он положил в основу анализа образной структуры «Войны и мира», что существенно меняло как смысл историко-литературных идей Ап. Григорьева, так и смысл философско-исторической концепции романа Л. Толстого. Глубину расхождений между двумя критиками иллюстрирует и такая деталь. Если для Ап. Григорьева «единственное героическое лицо нашей литературы» – Александр Чацкий, «честная и деятельная натура, притом натура борца, то есть натура в высшей степени страстная» [1, т. II, с. 50], то для Н. Страхова характерно преклонение перед «героизмом смирения», идеальное воплощение которого он нашел в Платоне Каратаеве. Не случайно, конечно, симпатии критиков отданы столь разным характерам. Приведенные факты достаточно отчетливо выявляют грань между «органической критикой» Ап. Григорьева и «славянофильской» критикой Н. Страхова, характеризующейся в данном случае жесткой нормативностью. «Ибо есть какой-то тайный закон, по которому недолговечно все разметывающееся в ширину и коренится как дуб односторонняя глубина» [1, с. 417] – это горестное пророчество, высказанное Ап. Григорьевым за два года до смерти, невольно приходит на память при сопоставлении жизненных и литературных судеб Ап. Григорьева и Н. Страхова.

Таким образом, проблемы, которые занимали Н. Страхова, были подсказаны временем и развитием литературного процесса, поэтому его коррекция взглядов Ап. Григорьева вполне закономерна.

Библиографические ссылки

1. Григорьев Ап. Сочинения : в 2 т. / Ап. Григорьев. – СПб. : Изд. Н. Н. Страхова, 1875.
2. Страхов Н.Н. Критические статьи : в 2 т. / Н.Н. Страхов. – К. : Издание И. П. Матченко, 1902.

3. Флоровский Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Париж : YMCA-Press, 1983. – 700 с.
 4. Эдельсон Е.Н. Идея организма и ее приложение в различных сферах знания / Е.Н. Эдельсон // Библиотека для чтения. – 1860. – № 3. – С. 22–31.
- Надійшла до редколегії 22 березня 2016 р.*

УДК 82

С. Садыгова
Баку, Азербайджан

ЖАНР РУБАИ, ИСТОРИЯ ЕГО ПОЯВЛЕНИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

У статті розглядається історія та теоретична основа і форми рубаї. Показується, що засновником цього метру був Гасан Гаттан, що жив у XII столітті, чії твори не дійшли до наших часів. Однак їх бачив видатний арузознавець XIII століття Шамсaddin Мухаммад бін Геїс Рази і свої роздуми про рубаї описав у своєму творі «Аль-Моджам». Таким чином, сходознавці познайомилися із жанром і теоретичними основами рубаї саме завдяки «Аль-Моджам». У той же час стаття вносить певну ясність в терміни «рубаї», «тарана», «дубейті», досліджуються їх схожість і відмінність. Крім цього, наводяться деякі легенди про походження жанру рубаї. У статті також показується, що перша інформація про форми жанру рубаї була дана Шамсaddinом Геїсом Рази.

Ключові слова: стаття, рубаї, тарана, дубейті, легенда, жанр.

В статье рассматривается история и теоретическая основа и формы рубаи. Показывается, что основателем этого метра был живший в XII веке Гасан Гаттан, чьи произведения не дошли до наших времен. Однако их видел видный арузовед XIII века Шамсaddin Мухаммад бин Геїс Рази и свои размышления о рубаи описал в своем произведении «Аль-Моджам». Таким образом, востоковеды познакомились с жанром и теоретическими основами рубаи благодаря «Аль-Моджам». В то же время статья вносит определенную ясность в термины «рубаи», «тарана», «дубейти», исследуются их сходство и различие. Помимо этого, приводятся некоторые легенды о происхождении жанра рубаи. В статье также показывается, что первая информация о формах жанра рубаи была дана Шамсaddinом Геїсом Рази.

Ключевые слова: статья, рубаи, тарана, дубейти, легенда, жанр.

The article deals with the history and theoretical basis and form Rubaie. It is shown that the founder of this genre has been lived in the XII century Gattai Hasan, whose works have not survived to our times. However, they saw a prominent scientist of XIII century Shamsaddin Muhammad bin Geys Razi and his reflections on Rubaie described in his work "Al-Modzham". Thus, the Orientalists became acquainted with the genre and theoretical foundations rubai thanks to the "Al-Modzham". At the same time article brings some clarity to the term "rubai", "tarana", "dubeyti" explores their similarities and differences. In addition, some are legends about the origin of the genre Rubaie. The article also shows that the first information about rubai genre forms were given Shamsaddin Geys Razi.

Keywords: article, rubai, ram, dubeyti, legend, genre.

Известно имя основателя науки еруз (мера в стихотворении), т. е. создателя теоретической основы еруза, – это Халил ибн Ахмад (718–791); имеются также и краткие сведения о его жизни. Имя создателя теории везна